

«Если бы я знал, что будет юбилей, я бы приехал». «Раз на груди медаль «За отвагу», значит, мне уже не 16 лет, а больше».

В спектакле театра имени К. Станиславского «Жизнь начинается снова» (справа — артистка И. Прейс).

Евгению Веснику, популярному народному артисту, исполнилось 70 лет. Издательство ВАГРИУС (Васильев, Григорьев и Успенский) выпустило книгу мемуаров артиста — «Дарю, что помню». Отрывки из нее мы печатаем сегодня — и от души с любовью поздравляем юбиляра. В ближайшее время артист встретится с читателями в четырех крупнейших книжных магазинах столицы — «Москва», «Книжный мир», «Молодая гвардия» и «Столица», которые приобрели весь тираж книги.

Евгений ВЕСНИК

ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ

Неделя. — 1993. — № 113. — С. 8, 9

Михаил ЯНШИН

Незабвенный, добрый, открытый, созданный для улыбки и юмора, уютный и магнитообразный, в чем-то незащищенный, талантливый, обаятельный, сентиментальный, очень темпераментный и чуть-чуть ленивенький, любитель вкусно поесть и пригубить, спелый романс, азартно поиграть на бегегах и поболеть за футболистов «Спартак», неспособный тратить время на интриги и клеветы, любимец публики — дорогой Михаил Михайлович Яншин!

Ко мне подходит компания молодых людей, окружают. Стало немного не по себе. Оказываются, узнали. — Это вы будете в оперном театре Бендера играть? (Наша спектакли шли на сцене Одесского оперного театра). — Я. — Очень приятно, — вполне дружелюбно продолжает парни. — А вы будете на сцене говорить, или с акцентом, как вы в Москве говорите? — Я буду говорить, как в Москве. — Ну так шо это за Бендер? Баракло! Пошли, ребята.

ИГРАЕМ спектакль «Золотой теленок». Нас поразила странная реакция зрительного зала: особый успехом пользовались тексты, которые обычно принимали, хоть и с пониманием остроты, но без этого восторга, который был в этот вечер. К примеру, Бендер, которого я играл, говорил Балаганову: — Шура, у меня за последнее время возникли серьезные разногласия с Советской властью: она хочет строить социализм, а я не хочу.

В зале — дружный хохот, аплодисменты. Дальше — больше! Обращаюсь к Корейко, которого играл Анатолий Папанов: — Вам снятся страшные сны, но вы же не знаете причину этих снов! А причина кроется в самом существовании Советской власти. Сейчас я ее ликвидирую, и вы не сможете, у меня нет времени, пойдемте в вагон-ресторан.

После спектакля местный полковник милиции объяснил. Оказывается, на этот спектакль все билеты скупили воры, спекулянты и прочая криминальная публика.

ОКОЛО РЫНКА меня останавливает человек, похожий на грузчика. — Слушай, это ты Бендера играл в оперном театре? — Я. — Стой, пада, на месте! Ни шагу! Ничего не понимаю, испуганный стою. Человек куда-то убеждает, через минуту возвращается и вручает мне грязного карточного валега.

ЗРИТЕЛИ

1950-е годы. Очередные гастроли в Одессе, уже в составе театра Сатиры. Первый час ночи. Иду по Дерибасовской. Повсюду реклама театра, фотографии артистов, сцены из спектаклей «Золотой теленок», «Клоп».

Михаил Яншин и Олег Ефремов.

Михаил Светлов.

Леонид Утесов, Владимир Хенкин, Николай Смирнов-Сокольский.

— На тебе талисман. Шо бы был счастливым на всю жизнь. Карта у меня. Боюсь выкинуть. ГАСТРОЛИ в Запорожье. Со мной делится впечатлениями от просмотренных спектаклей мой новый знакомый, компаньон по рыбалке. — Скажи, пожалуйста, кто написал «На всякого мудреца довольно простоты»? Я вчера смотрел. — Островский, — отвечаю. — Это какой Островский? Тот или наш? — Тот. — А-а... Знаешь, слабо написано. — А почему? — Ну шо там происходит? Давай так, честно говорить. Глухой ведет дневник. Долго ведет. Наконец, этот дневник у него сперли и разобрали его. Так?

— Так. — Так вот я тебе честно скажу, Евгений. Только тебе. Слушай меня. Если бы не сперли у него дневник, не играть бы вам

Николай СМОРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Мне кажется, в нашей действительности не хватает знатоков? Шутю! Да-да, шутю! Шуты не давали зазнаваться царям, правителям. Своим поведением они приучали их принимать и понимать поговорку:

впервые в жизни выступаем против правительства! Вот тут пианист Леня Кауфман и промахнулся, не нашел нужной клавиши, а трубочка Соколкин дал немалого, как он говорил, «кхика». Все почувствовали себя уже посланными! Но увидел, что Сталин заулыбался, зааплодировал, а за ним зааплодировали и заулыбались все гости, музыканты встали, раскрепощенные, уже как бы вернувшиеся из ссылки, заиграли со свойственным им талантом. Рассказывают, что у барабанщика в этот вечер прибавилось седых волос!

Помолючал немного и добавил: — Ну зачем так обманывать нас, провинциалов? Нехорошо, Евгений! Нехорошо! Так и скажи там в столице — нехорошо!

Михаил СМОРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Михаил Аркадьевич Светлов всегда казался мне худеньким цыпленком, в глазах которого — удивление. И еще — тоска. Но этот не очень громкий, скромный человек был очень мужественным. Будучи смертельно больным и зная это, выпустил несколько сборников

Михаил СВЕТЛОВ

стихов. О его чувстве юмора ходили легенды. Однажды позвонил своему другу и сказал: «Рак у меня есть, привези пива».

Спросил в Литфонде, по какой категории его будут хоронить, и узнал, что по высшей и что по смете это будет стоить 1000 рублей в старых деньгах, попросил похоронить его по третьей категории, что стоило значительно меньше, а разницу в деньгах выдать на руки на пиво...

В КОКТЕЙЛЬ-ХОЛЛЕ на улице Горького сидел Михаил Аркадьевич и потягивал через соломинку коктейль. Вошел Константин Симонов, увидел его, всплеснул руками.

— Миша! Стагик! — Симонов тоже немного грассировал. — Ты что здесь делаешь? — Газве не видишь? Утопающий за соломинку хватается. — Пегестань вальяг дугака! Тебя десять дней ищет министр культуры товарищ Михайлов! Почему ты к нему не являешься? Ты что, боишься министра культуры?

— Нет, я министра культуры не боюсь. Я боюсь культуры министра.

Святой Иоанн Златоуст говорит: «Чистые сердца — это те, которые приобрели высшее добродетель, то есть постоянное доброе расположение сердца, лежащее в основе всех их дел, которые не сознают за собой никакого лукавства... Только чистому сердцем дано духовно лицезреть Бога».

С таким чистым сердцем жила Надежда Сергеевна Киселева. Ею нельзя было не восхищаться, невозможно было не видеть, не чувствовать в ней существо незаурядное. Главным в этой удивительно красивой, с огромными выразительными глазами, элегантной женщине были доброта, честность, открытость, хлебобольство. Она все умела делать красиво: танцевать и петь, любить и ненавидеть, смеяться и плакать. Она была чрезвычайно темпераментна, но беззащитна, легко ранима. Всегда

Ляля ЧЕРНАЯ

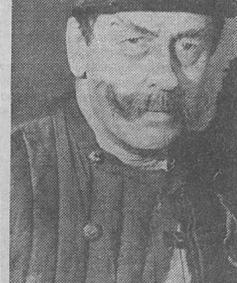
Святая Иоанн Златоуст говорит: «Чистые сердца — это те, которые приобрели высшее добродетель, то есть постоянное доброе расположение сердца, лежащее в основе всех их дел, которые не сознают за собой никакого лукавства... Только чистому сердцем дано духовно лицезреть Бога».

С таким чистым сердцем жила Надежда Сергеевна Киселева. Ею нельзя было не восхищаться, невозможно было не видеть, не чувствовать в ней существо незаурядное. Главным в этой удивительно красивой, с огромными выразительными глазами, элегантной женщине были доброта, честность, открытость, хлебобольство. Она все умела делать красиво: танцевать и петь, любить и ненавидеть, смеяться и плакать. Она была чрезвычайно темпераментна, но беззащитна, легко ранима. Всегда

Святая Иоанн Златоуст говорит: «Чистые сердца — это те, которые приобрели высшее добродетель, то есть постоянное доброе расположение сердца, лежащее в основе всех их дел, которые не сознают за собой никакого лукавства... Только чистому сердцем дано духовно лицезреть Бога».

была окружена людьми, но в то же время — одинока. Умела самоотверженно любить, но и разлюбить тоже, и честно в этом признаваться. Ее душа была открыта для всех, но мало кем понимаема. Ее широкая натура толковалась часто как чуть ли не распущен-

дальшая возможности рассчитаться с долгами и просила через два дня встречать ее. Приехала без копейки: все отдала цыганам, узнавшим ее — свою королеву! Свою Лялю Черную! Ну, как же она, королева цыганская, и не поможет цыганскому табору?!

Самозонщики из концертного номера «Вот люди!» (слева — Анатолий Папанов).

искусстве. Еще в 50-х годах она предсказала крах партии коммунистов и как следствие этого краха — развал Союза! Она была набожна и предсказывала Божью кару за расстрелы невинных, за живность правителей, называла страну концлагерем! И это при том, что была совершенно непричастна к политике, очень далека от нее. Не ошиблась она и в предчувствии печального конца своего жизненного пути.

Близкая на театральном поприще и в кино, завоевавшая широкую популярность и любовь зрителей, сводившая с ума толпы влюбленных мужчин, покораившая своим темпераментом и красотой концертные залы многих городов, она «заслужила» нищенскую пенсию (но не роптала по этому поводу) и тихо, незаметно ушла. Конечно — в рай.

МАРШРУТ моей гастрольной поездки пролегал из Тбилиси в Самтредиа. На станции Гори мне понадобилось зайти в здание вокзала. Наш поезд опаздывал, но пассажиры не предупредили, что 15-минутную стоянку сократили, и... я остался на перроне в одной дорожной лижке, без копейки, один в чужом городе. Дежур-

ный «обрадовал» меня сообщением, что в Самтредиа я смогу поехать только завтра. За багетом я не вспомнил: был мой коллега. Что было делать — не знал. Вдруг... метрах в двухстах от вокзала увидел табар. В кармане пижамы каким-то чудом оказалась фотография, на которой в группе артистов были ваплетаны Ляля и ваш покорный слуга. Я почувствовал, что есть выход из этого idiotского положения. И не ошибся!

Знакомлюсь с вожакем табара, представляюсь другом Ляли Черной, показываю фотографию и... убеждаюсь в чудотворной силе популярности цыганской королевы! Я был обласкан, накормлен, напоен и одет с головы до ног: шльма, костюм, галстук, туфли, носки. Мне дали денег. Мы обменялись адресами. Потом была нанята машина, которая доставила меня в Самтредиа значительно раньше, чем туда прибыл поезд с моим коллегой и багажом.

Вернувшись в Москву, я рассказал все Надежде Сергеевне. Мы подсчитали стоимость подаренного мне гардероба, прогона автомобиля и телеграфным переводом отравили деньги моим спасителям. Утром следующего дня деньги вернулись в Москву так же телеграфным переводом и с припиской: «Не обижай, королева».

Александр ВЕРТИНСКИЙ

— Александр Николаевич, были времена, вы выступали в цирке в костюме Пьеро. Болтают, что вы были подвержены наркомании, что-то нюхали или курили, пили нечто «потустороннее». Это правда?

— Никогда я не был наркоманом, никогда ничего такого не нюхал и не пил. А вот у женщины успехом пользовался. И это было моей наркоманией. Правда, один раз я потерял фиаско: у меня, как говорят, отбили краску. Был 1918 год, белогвардейская Киев, Крещатик. А кто ее отбил, я узнал через некоторое время, увидев ее в компании этого человека — моего соперника. Ну его к

своему тираду следующим образом: — Дорогой мой! Вот такие пиროжки! Где взять время на то, чтобы углубиться в серьезное чтение? Тут как-то начал Хлебникова... ничего не понял. Я, улыбаясь, процитировал отрывочек из диалога Баяна и Присыпкина из «Клопа», не называя их фамилий и пьесы: — Товарищ Баян! Я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов! Понял?

— Да что вы, товарищ Скрипкин, не то что понял, а силой, согласно Пыханову, позволенного наркисстам воображения, я как бы своим прикум вижу ваше классовое, возвышенное, изящное и употительное торжество!

Мой собеседник похлопал меня по плечу и сказал: — Молодец! Самосудеша у тебя память! Замисли! Это откуда цитата? — Из «Баяна». — Безмысленно, кажется? — Нет. Это Маяко... — А-а-а! Да-да! Извини! Конечно! Конечно, Маяковский! Вот видишь, до чего Министерство культуры довели..

Воспоминания о добрых, талантливых людях — это связь поколений, эстафета чаяний людских, это процесс истинно христианский, ибо обращен не только к живущим, но и к тем, кого нет на земле.

Мои воспоминания — это еще и желание лишней раз познакомиться всем тем, кто оберегал меня от зла, помогал быть самостоятельным в своих суждениях, сохранял чувства человеческого достоинства и ни при каких обстоятельствах не терял чувство юмора.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

Александр Вертинский.

черту. И вспоминать-то о нем не хочу. Но вот, отбил... — Александр Николаевич, ваш рассказ совершенно теряет смысл, если я не узнаю, кто это. Что за человек Ба-ам (1) нанес такой удар? Причем единственной раз в жизни.

— Ну хорошо, я вам скажу. Это был генерал Шкурю.

Помогите великому и могучему!

В старом Малом театре во время шедшего годоваловского «Ревизора» артист Дурново, исполнявший роль Земляники, оговорился: вместо «все как мухи... выздоровливают», сказал «все выздоровливают... как мухи». И этого было достаточно, чтобы художественное руководство императорского театра отнеслось к этой текстовой накладке (с современной точки зрения — невинной) как к чрезвычайному проступку, как к поводу для экстренного собрания членов кружка любителей и охранителей классического русского языка!

Сколько времени смогли бы эти охранители оставаться в своем уме, если бы воскрили и послушали, что и как в наше время говорят?

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЙ чиновник, ведающий культурой, вернее, ее хозяйственной частью, на мой вопрос: «Что сейчас читаете?» — горделиво, с видом заманного делами человека, прибегая к бесчисленному количеству ненужных «так сказать», «как говорят», «значит», «со всей определенностью», «если честно говорить», вздыхая, многозначительно «э-э-э-э-э», обрисовал мне сложность своей работы и общественного положения. А закончил

воспоминания о добрых, талантливых людях — это связь поколений, эстафета чаяний людских, это процесс истинно христианский, ибо обращен не только к живущим, но и к тем, кого нет на земле.

Мои воспоминания — это еще и желание лишней раз познакомиться всем тем, кто оберегал меня от зла, помогал быть самостоятельным в своих суждениях, сохранял чувства человеческого достоинства и ни при каких обстоятельствах не терял чувство юмора.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

своему тираду следующим образом: — Дорогой мой! Вот такие пиროжки! Где взять время на то, чтобы углубиться в серьезное чтение? Тут как-то начал Хлебникова... ничего не понял. Я, улыбаясь, процитировал отрывочек из диалога Баяна и Присыпкина из «Клопа», не называя их фамилий и пьесы: — Товарищ Баян! Я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов! Понял?

— Да что вы, товарищ Скрипкин, не то что понял, а силой, согласно Пыханову, позволенного наркисстам воображения, я как бы своим прикум вижу ваше классовое, возвышенное, изящное и употительное торжество!

Мой собеседник похлопал меня по плечу и сказал: — Молодец! Самосудеша у тебя память! Замисли! Это откуда цитата? — Из «Баяна». — Безмысленно, кажется? — Нет. Это Маяко... — А-а-а! Да-да! Извини! Конечно! Конечно, Маяковский! Вот видишь, до чего Министерство культуры довели..

Воспоминания о добрых, талантливых людях — это связь поколений, эстафета чаяний людских, это процесс истинно христианский, ибо обращен не только к живущим, но и к тем, кого нет на земле.

Мои воспоминания — это еще и желание лишней раз познакомиться всем тем, кто оберегал меня от зла, помогал быть самостоятельным в своих суждениях, сохранял чувства человеческого достоинства и ни при каких обстоятельствах не терял чувство юмора.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.

В Центральном Доме актера старые друзья, молодые коллеги и любящие зрители поздравили юбиляра. В битком набитом зале были театральные знаменитости, со многими из которых Евгений Яковлевич выступал на сцене, звучали романсы и цыганские песни. Теплые слова прозвучали дружно — футболисты и рыбаки, с которыми артист любил проводить свой досуг... Регламент юбилейных поздравлений едва вмещал всех, пожелавших сказать артисту добрые, душевные слова.